

ИДЕЯ М.М. БАХТИНА О “САМОЗВАННОМ” СУЩЕСТВОВАНИИ В КУЛЬТУРЕ

В центре статьи анализ трактовки М.М. Бахтиным (1895 – 1975) причин кризисного состояния культуры в рамках очень актуальной для философии (Бердяев, Хайдеггер, Сартр) и литературы XIX и XX вв. темы “раздвоенности личности”, “достоевщины”, “двойника”. Яркий философ и литературовед использует метафору “самозванство” для осмысления конформизма не только в творчестве, но и в религии

и политике. "Самозванным" Бахтин представляет в целом искаженное бытие личности, понятое как раскол нравственной жизни. "Самозванство" реализуется в жизни через механизмы "представительства" и эстетизма, в основе которых лежит отказ от персональной ответственности и попытка "растворения" ее в коллективной ответственности либо в эстетической иллюзии. Преодолевая издержки абстрактного подхода к пониманию культуры, Бахтин утверждает идею "взрачивания" индивидуумом своего абсолютно ответственного внутреннего мира как условие личной и коллективной культуры.

Но надо жить без самозванства...

Б.Л. Пастернак

В истории европейской мысли есть оригинальная традиция, представленная Паскалем, Киркегором, Хейзинга и другими философами, – обсуждать вопрос о подлинности и неподлинности человеческого существования [1; 2, с. 335; 3]. Эта традиция сыграла значительную роль в пересмотре самого смысла "культурности", который осуществлялся в философии на рубеже прошлых столетий. Трагические события XX в. убедительно показали, что существование культуры как чего-то объективного и обуславливающего не служит гарантией от новых форм варварства. Но уже в начале XX ст. ряд крупных исследователей пытались осмыслить кризисное состояние культуры, делая акцент на значимости субъективности для понимания рода бытия явлений культуры. В связи с этим несомненный интерес представляет работа известного русского мыслителя Бахтина (1895 – 1975) "К философии поступка"¹, в которой поставлен знаковый для эпохи вопрос: каким образом индивид ("живое сознание") становится культурным? Ее автор использует для характеристики неподлинного личного бытия чисто русскую метафору – "самозванство", – являющуюся предметом анализа в данной работе. На наш взгляд, идея "самозванного" существования во многом способствует пониманию духовной жизни современного общества.

Прежде всего, проблема "самозванного" существования в "философии поступка" Бахтина связана с рядом особенностей состояния цивилизации, когда специализация и отчуждение (объективация) нередко принимают абсурдные формы. Дальнейший анализ идеи Бахтина требует хотя бы краткого рассмотрения главного принципа его мышления. Своеобразной единицей измерения человеческой жизни исследователь предлагает считать персонально ответственный поступок. Напротив, безответственное существование следует понимать как род одержимости (бытием), бесконтрольный процесс, увлекающий индивида². Для Бахтина принципиально важно одно свойство поступка – его "заданность", то есть привнесение в мир личностного смысла. Это сопряжено с известным риском, так как последствия поступка неизвестны. Поэтому тяжесть ответственности и является проблемой личного существования. В экзистенциальной философии последний момент абсолютизируется и фиксируется в понятии "не-алиби в бытии". Именно этот принцип, согласно Бахтину, может ориентировать общество в кризисной ситуации.

Первым шагом для идентификации "самозванного" существования можно рассматривать проводимое Бахтиным различие между поступком "от себя" и

¹ Бахтин, М.М. К философии поступка / М.М. Бахтин. Работы 1920-х годов. – К.: Next, 1994. – С. 9-69.

² Еще Гераклит понимал поступок как нечто, выхватывающее человека из биологической текущей жизни. См.: Арндт, Х. Vita activa, или О деятельной жизни / Х. Арндт. – СПб.: Алетей, 2000. – С. 29.

“не от себя”. Когда мыслитель указывает на “кризис современного поступка”, он, в частности, имеет в виду то, что современный человек поступает уверенно тогда, когда он “одержим” смыслом определенной области объективной культуры (искусства, религии, политики и т. д.). Таким образом, “самозванство” синонимично “поступку не от себя” [4, с. 26]. Эту идею проясняет экзистенциальный принцип “не-алиби”: существование “самозванца” следует понимать в смысле отказа индивида от персональной ответственности. Однако каким образом человек становится “самозванцем”?

Согласно Бахтину, одним из механизмов дереализации персональной ответственности в современном мире является “представительство”. Оно имеет место, например, при политическом или религиозном действии (ритуале). Сущность “представительства” заключается в праве какого-либо индивида представлять определенную организацию. Именно здесь коренится возможность “поступка не от себя”: индивид может выступать как представитель некоего большого целого, которое и мыслится этим индивидом субъектом ответственности. Таким образом, в своем конкретном действии индивид может устраняться от своей персональной ответственности. Очевидно, Бахтина, обратившегося к осмыслению “представительства” в политике, волновали процессы переходного периода. Он понимал, какая опасность для общества таится в отказе от персональной ответственности в политике. Как указывает исследователь “философии поступка” Г.Л. Тульчинский, “коллективное решение без индивидуальной моральной ответственности легко становится формой коллективной безответственности” [5, с. 71].

Персональная ответственность не случайно выступает особенно рельефно в сфере политики – *искусстве возможного*. По мнению западного мыслителя Х. Арендт, в политике вообще отсутствует норма как регулятор поведения. Поэтому именно здесь готовность принять на себя всю опасность, связанную с последствиями поступка, и проявляется с большей силой, чем в других областях культуры. Однако в массовом обществе, где нет пространства для поступка, феномен представительства приобретает невиданные масштабы³. Индивид оказывается систематически вовлеченным в процедуры, лишённые для него личностного смысла. Этому феномену Бахтин придает радикальный смысл. “*Пытаясь понимать всю свою жизнь как скрытое представительство и каждый свой акт как ритуал*, – замечает исследователь, – *мы становимся самозванцами*” [4, с. 50].

Понимание Бахтиным религиозного “самозванства” в оставшемся незаконченном трактате “К философии поступка” нуждается в значительной реконструкции. Речь идет о такой ситуации, когда в *целом* жизни индивида человек и священнослужитель оказываются связаны механически. Но здесь возникает вопрос: в чем заключается смысл религиозного *поступка*, если традиционное религиозное сознание конфессионально, что предполагает определенное смысловое единство в интерпретации священных текстов?

Опираясь на культурно-исторический фон раннего творчества Бахтина (различного рода богоискательство, имевшее место в 20-е гг. XX в.), общепризнанный факт рецепции мыслителем идей Киркегора и Марбургской школы неокантианства⁴, а также на метод “философии поступка”, мы склонны предположить,

³ См.: там же, с. 326, 151. См. также: Ортега-и-Гассет, Х. Восстание масс // Х. Ортега-и-Гассет. Эстетика. Философия культуры. – М.: Искусство, 1991. – С. 341.

⁴ См. например: Щитцова, Т.В. К онтологии человеческого бытия (Киркегор и Бахтин) / Т.В. Щитцова // Диалог. Карнавал. Хронотоп. – 1995. – № 3. – С. 34, 40; Пул, Б. “Назад к Кагану” / Пул, Б. // Диалог. Карнавал. Хронотоп. – 1995. – № 1. – С. 38-49.

что понимание Бахтиным религиозного аспекта поступка основано на идее внеконфессиональной религиозности. Будучи последовательным в преодолении разрыва культуры и жизни, Бахтин мог подойти к разрешению дуализма между религией и жизнью, полагаясь на творческий потенциал поступка. В тексте названного сочинения можно найти критическое замечание автора в адрес “теоретического мира” христианства. *В нем даже возможен вопрос: “Кто мой ближний?”* [4, с. 43]. Нельзя не отметить созвучие этого определенного недоумения Бахтина размышлениям Л. Толстого об оторванности официального православия от человека: *“вероучение не участвует в жизни”* [6, с. 107]. Таким образом, если экстраполировать на плоскость религиозной жизни идею Бахтина о действительном утверждении ценности в поступке-оценке, то следует допустить позицию творчества новой религии. В связи с этим можно вполне согласиться с мыслью современного исследователя О.В. Брейкина, что в работе “К философии поступка” звучит идея движения личности через субъективную духовность к Абсолюту [7, с. 221].

“Личность должна стать сплошь ответственной...” – эту мысль Бахтин выражает уже в своей первой опубликованной работе “Искусство и ответственность”, вступая в дискуссию о взаимоотношении искусства и жизни [8, с. 7]. В этой короткой статье он обозначает в качестве предмета исследования не что иное, как феномен *эстетического самозванства*. Традиция эстетизма своими корнями уходит в XIX в., в поколение разочарованных романтиков. Ницше видел в эстетической иллюзии оправдание человеческого существования. Сторонники теории “чистого искусства” обосновывали идею о “двойственной жизни” художника⁵. Мотиву отчужденности художника от общества отдал дань А.С. Пушкин:

Не для житейского волненья,
Не для корысти, не для битв,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв...

Первую и четвертую строки из пушкинского стихотворения “Поэт и толпа” Бахтин цитирует в своей первой работе, указывая на два мира, “наивно” переплетающихся в жизни художника. Этот мотив получает свое дальнейшее осмысление в “философии поступка”.

В России споры о позиции художника в обществе с особенной силой разгорелись в связи с революцией. Как известно, особенно мучительно эту тему времени переживал Александр Блок. С одной стороны, он как гражданин, чувствуя свою ответственность за будущее страны, отстаивал для художника “радость быть самим собой, жить и принадлежать обществу”. С другой стороны, поэт развивал идею о “человеке-артисте” как способе выхода из тупиков “мещанской цивилизации”⁶... Бахтин решительно вскрывает сущность поэтизируемых споров об искусстве, заостряя вопрос о персональной ответственности художника. В отличие от противоречивой позиции поэта, который представляет подлинное искусство то отдаленным от жизни, то ведущим к практике, философ отстаивает единство искусства и жизни в личности творца, решительно отвергая эстетическую иллюзию в качестве нравственного ориентира. Эстетическая иллюзия –

⁵ Например, Флобер полагал, что талант вынужден вести существование то буржуа, то полу-бога. См.: Гилберт К.Э., Кун Г. История эстетики / К.Э. Гилберт, Г. Кун. – СПб.: Алетейя, 2000. – С. 514.

⁶ См.: Блок, А. Искусство и революция; Стихия и культура // А. Блок. Собр. соч. в 8 т. – М.-Л.: Государственное изд-во “Художественная литература”, 1962. – Т. 6: Проза. 1918 – 1921. – С. 21-26; 350-360.

это “попытка отбросить себя в небытие” [4, с. 23-24]. Художник должен быть ответственен за то, что он понял и пережил в искусстве⁷. Таким образом, ответ на болезненный вопрос эпохи: “Как вернуть культуре утраченную цельность?” – в свете позиции Бахтина связан с необходимостью преодоления внутреннего раскола личности.

Следует подчеркнуть, что феномен двойничества, к которому обращается ранний Бахтин, оказался актуальным и для художественного сознания XX в., в котором проблема культурной идентичности приобретает глобальное значение. Теперь культуру уже просто нельзя представить без обретения и сохранения человеком своей нравственной целостности. Трагичность потери себя художественно осмыслена в знаменитом романе В. Гроссмана “Жизнь и судьба”, в котором показана жизнь советского общества в момент наивысшего испытания. Мотив раздвоения человека является одним из центральных в этом произведении, отмеченном глубоким реализмом. Спор между разными героями на предмет правоты идеалов и практики большевизма, а также их напряженный поиск собственной сути, реализующийся во внутренних диалогах, пронизывает всю структуру романа Гроссмана.

В связи с обсуждаемой здесь проблемой “самозванства” весьма показательным в этом произведении является следующий эпизод. Крымову, непосредственному участнику сталинградских боев, кажется неудачным доклад Пряхина, прочитанный на торжественном заседании партийной организации в честь двадцатипятилетия Октябрьской революции. *“...Пряхин говорил казенными, холодными, чиновными словами, говорил именем государства о процентах выполнения плана, о поставках, об обязательствах. Подобные чиновные, бездушные речи, чиновные бездушные люди, произносившие эти речи, были всегда чужды, неприятны Крымову, но с этими людьми он шел нога в ногу, они теперь были его старшими товарищами. Дело Ленина, дело Сталина воплотились в этих людях, в государстве. Крымов готов был, не колеблясь, отдать жизнь за его славу и силу”* [9, с. 398]. Здесь, на наш взгляд, Гроссман затрагивает хотя и новый, но близкий по своим последствиям для индивида и общества аспект “представительства”. Будучи вовлеченным в организацию, Крымов присоединяется к коллективной ответственности за “дело” этой организации, хотя уже не согласен с лицами, возглавляющими ее. Он молчит, подобно большинству, охваченному, как выражается другой герой романа, физик Штрум, казня и себя за это молчание, “страхом ради иудейска”. По мысли Гроссмана, индивид уходит от своей ответственности под мощным натиском тоталитарного государства. Однако другого “рецепта” для выправления жизни общества, кроме как решимости исполнить *свою ответственность*, он не видит. Эта мысль выражена, например, в оценке, которую дает Штрум поступку Жени, вернувшейся к своему мужу в тот момент, когда он оказался в “лубянском ущелье”: *“...вы поступили по совести. Поверьте, это лучшее, что дано человеку. Я не знаю, что принесет вам жизнь, но я уверен: сейчас вы поступили по совести; главная беда наша – мы живем не по совести. Мы говорим не то, что думаем. Чувствуем одно, а делаем другое”* [9, с. 525].

Попытаемся резюмировать смысл метафоры Бахтина “самозванство”. Рассмотренные формы существования индивида в современном мире – “предста-

⁷ Ср.: “Пока я не жил своей жизнью, а чужая жизнь несла меня на своих волнах, ... – отражения жизни всякого рода в поэзии и искусствах доставляли мне радость, ...но когда я стал отыскивать смысл жизни, когда я почувствовал необходимость самому жить, – зеркальце это стало мне или ненужно, излишне и смешно, или мучительно” [6, с. 120].

вительство”, ритуал, эстетизм – предполагают некоторую специализацию, а следовательно, и существующий отдельно от индивида теоретический контекст, определяющий смысл поступка. “Самозванец”, отказываясь от самостоятельной оценки-действия, апеллирует к этому смыслу, который для конкретной жизненной ситуации имеет только отвлеченную правильность и не определяет содержание конкретного поступка. Вместе с отпадением персональной (нравственной) ответственности вступает в силу другая ответственность – “специальная”. В силу этой подмены в личности возникает раскол, в рационально связанной картине мира индивида утрачивается нравственная связность, верх берет его “двойник” (представитель, художник, специалист), который лишь “приспосабливается” к ценностям. Итак, Бахтин использует метафору “самозванства” для обозначения жизни индивида в модусе эксплицитного признания ценностей.

Идея Бахтина о “самозванном” существовании теснейшим образом связана с его мыслью, что культуру нельзя отождествлять с культурным продуктом⁸. Для культуры в единстве “сплошной ответственности” личности за свою жизнь заключено ведущее начало. Ценности, культуру в целом нельзя представлять лишь в плане содержательного *общего*, в отрыве от поступка индивида. С другой стороны, только безусловно ответственный индивид может прожить в культуре подлинную, а не “самозваную” жизнь.

И должен ни единой долькой
Не отступаться от лица,
Но быть живым, живым и только,
Живым и только до конца.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Щитцова, Т.В.* Экзистенциальная философия как онтология человеческого бытия (Паскаль, Киркегор, Бахтин): автореф. ... дис. канд. филос. наук: 09. 00. 03 / Т.В. Щитцова; Бел. гос. ун-т – Минск, 1996. – 24 с.
2. *Ортега-и-Гассет, Х.* Восстание масс // Х. Ортега-и-Гассет. Эстетика. Философия культуры. – М.: Искусство, 1991. – С. 309-350.
3. *Мамардашвили, М.К.* Если осмелиться быть // М.К. Мамардашвили. Как я понимаю философию. – М.: Прогресс; Культура, 1992. – С. 172-201.
4. *Бахтин, М.М.* К философии поступка // М.М. Бахтин. Работы 1920-х годов. – К.: Next, 1994. – С. 9-69.
5. *Тульчинский, Г.Л.* Разум, воля, успех: О философии поступка / Г.Л. Тульчинский. – Л.: Изд-во Лен. ун-та, 1990. – 216 с.
6. *Толстой, Л.Н.* Исповедь. Собрание сочинений: в 22 т. // Л.Н. Толстой; Коммент. Л.Д. Опульской. – М.: Худож. лит., 1983. – Т. 16: Публицистические произведения. 1855 – 1886. – С. 106-166.
7. *Брейкин, О.В.* Философия поступка М. Бахтина и проблема абсолюта / О.В. Брейкин // Бахтинология. – СПб.: Образование, 1995. – С. 217-225.
8. *Бахтин, М.М.* Искусство и ответственность / М.М. Бахтин. Работы 1920-х годов. – К.: Next, 1994. – С. 7-9.
9. *Гроссман, В.С.* Жизнь и судьба: Роман / В.С. Гроссман. – М.: Советский писатель, 1990. – Кн 2. – 672 с.

Поступила в редакцию 17.03.2006.

⁸ Идея Бахтина о специализации как *не-культуре* созвучна мысли немецкого философа жизни Г. Зиммеля: “Мы все еще не культурны, когда создали в себе то или иное умение, и становимся культурными лишь тогда, когда все они поставлены на службу с ними не совпадающей центральной инстанции”. См.: Зиммель, Г. Понятие и трагедия культуры / Г. Зиммель. Избранное. – М.: Юрист, 1996. – Т. 1: Философия культуры. – С. 447.